

УДК 316.324.8
ББК 60.521.2
У97

Данное издание выпущено в рамках проекта
Translation Project при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия
и Института «Открытое общество» — Будапешт

Перевод 2-го издания с английского языка
Н. В. Мальхиной (гл. 1–5), М. В. Арапова (гл. 6–11) при участии
А. А. Полибиной

У 97 Уэбстер, Фрэнк
Теории информационного общества / Фрэнк Уэбстер;
Пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Мальхиной; Под. ред. Е. Л. Вар-
тановой. — М.: Аспект Пресс, 2004.— 400 с.
ISBN 5–7567–0342–X

Книга представляет собой рассмотрение более или менее из-
вестных теорий второй, послевоенной, половины XX в., которые,
учитывая так называемый информационный взрыв, считали осно-
вой глобальной «информационной» экономики. В предлагаемой кни-
ге Фрэнк Уэбстер подвергает критическому анализу теории Д. Бел-
ла, М. Кастельса, Г. Шиллера, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, Ж. Бод-
рийера и З. Баумана и др.

Для изучающих социальные теории современного общества,
а также для всех, кто интересуется социальными и технологичес-
кими переменами в современном мире.

ISBN 0–415–28201–2 (англ.)
ISBN 5–7567–0342–X (рус.)

УДК 316.324.8
ББК 60.521.2

Copyright © 2002 Frank Webster
All rights reserved.
Authorised translation from English language edition published
by Routledge, a member of the Taylor & Frances Group
© Издание на русском языке ЗАО Издательство «Аспект
Пресс», 2004.
Все права охраняются.
Русский перевод осуществлен с разрешения издательства
Routledge, члена издательской группы Taylor & Frances Group.

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

Благодарности

Было очень приятно узнать, что первое издание не оставило издатель-
ство *Routledge* в накладе: компания предложила подготовить мне второе.
Спасибо Мэри Шалло, которая передала мне это предложение, оказала
необходимую поддержку и не отставала от меня до тех пор, пока я не
закончил новое издание.

Мне хотелось бы поблагодарить мою жену, Лиз Чэпмен, наших детей
Фрэнки и Изабел, а также моего давнего друга и сотрудника Кевина Ро-
бинса. То, что может нам дать информационное общество, никогда не срав-
нится с удовлетворением, которое мы получаем от семьи и друзей.

1

ВВЕДЕНИЕ

Большинство людей, по-моему, рано или поздно задаются воп-
росом: что представляет собой общество, в котором мы живем?
Как осмыслить то, что происходит в окружающем нас мире? И куда
мы идем? Искать ответы на эти вопросы — задача грандиозная и
даже обескураживающая, так как она предполагает, что необхо-
димо определить основные характеристики чрезвычайно сложных
и постоянно изменяющихся условий. Есть люди, которым все это
быстро надоедает, они сдаются и соглашаются жить в неразберихе
взаимоисключающих представлений о мире. Другие же, столкнув-
шись с противоречиями, лениво отступают на весьма comfort-
ную позицию. Они полагают, что мы видим только то, что хотим
видеть. К счастью, большинство из нас все же упорствуют в стрем-
лении осознать, что происходит в мире, и в этих попытках знако-
мятся с такими понятиями, как капитализм, индустриальное об-
щество, тоталитаризм и либеральная демократия. Многие навер-
няка слышали эти и подобные слова и даже произносили их, когда
пытались определить какие-либо события, сдвиги, исторические
обстоятельства или же общее направление социальных, полити-
ческих и экономических перемен.

Всем нам, вероятно, приходилось спорить, годятся ли эти яр-
лыки для обозначения тех или иных конкретных обстоятельств. Мы,
наверное, обсуждали, что, собственно, могут означать эти терми-
ны. Например, признав тот факт, что Россия далеко ушла от ком-
мунизма, уже труднее согласиться, что там произошел переход к

чистому капитализму. Мы постоянно ощущаем необходимость в уточнении обобщающих понятий, и потому возникают такие термины, как доиндустриальные, зарождающиеся демократии, продвинутый капитализм, авторитарный популизм.

И все же, несмотря на необходимые поправки, мало кто из нас согласится полностью отказаться от этих и подобных понятий. Причина очевидна: да, они слишком общи, нуждаются в уточнениях, ведут к заблуждениям, но при всем том они служат инструментом для определения и понимания основных элементов мира, в котором мы живем и формируемся как личности. Стремление осмыслить основные черты различных обществ и событий, видимо, неизбежно подталкивает нас к тому, чтобы принять эти обобщающие понятия.

Отправной точкой для этой книги стало возникновение явно нового подхода к пониманию современных обществ. Аналитики все больше и больше начинают говорить об информации как о главном отличительном признаке современного мира. Нам говорят, что мы входим в информационную эру, что новые «способы информации» превалируют, что мы живем в «электронном обществе» и подходим к «виртуальной экономике», движущей силой которой стала информация, что мы уже существуем в условиях «глобальной информационной экономики». Очень многие эксперты заходят еще дальше и называют Соединенные Штаты, Великобританию, Японию, Германию и другие страны со сходным уровнем жизни информационными обществами. Идея информационного общества пришла по душе политикам и тем, кто политику определяет, а также ведущим бизнесменам, тем более что Европейский Союз спешит войти в «глобальное информационное общество» по примеру Японии, которая приняла эту концепцию в начале 1970-х годов (Duff, 2000).

Предметом спора стало лишь то, что несут с собой эти перемены. Для одних они означают становление общества действительно профессионального и заботливого по отношению к своим членам; для других — усиление контроля над гражданами; для третьих они знаменуют появление высокообразованного слоя, при том что прочим захлестнет волна пустычных сообщений, сенсаций и сбивающей с толку пропаганды. Политические экономисты ведут разговоры о том, что в новой «электронной экономике» преимущество получает предприниматель, обладающий знаниями, которые позволяют «быстро соображать»; для тех же, кого волнует культура, киберпространство и виртуальная реальность представляются неудобным местом для работы воображения и изобретательской деятельности.

Поразительно, что при всей противоречивости этих точек зрения все ученые соглашаются в одном: информация есть нечто особенное. В огромном потоке литературы, где рассматриваются проблемы информационной эры, авторы редко соглашаются друг с другом относительно ее основных характеристик и общего смысла, однако они сходятся в том, что информация играет особую роль в современном мире. Исследования ученых могут быть весьма спорными. Специалисты исходят из принципиально различных посылок и приходят к столь же принципиально разным выводам, однако разногласий по поводу особой роли информации между ними нет.

Мое любопытство по поводу воздействия информации на общество породило идею создания этой книги. Ее первое издание вышло в свет в начале 1990-х годов. Тогда казалось, что люди узнали еще одно важное понятие для определения основополагающих характеристик нашего времени. Но в то же время исследователи расходились в представлениях о том, какие формы может принять эта информация, почему она занимает центральное место в современных системах и как она воздействует на социальные, экономические и политические отношения.

Любопытства я не утратил и по сей день, потому что актуальность этой проблемы не только не исчезла, но даже возросла, как возросло и разнообразие позиций аналитиков относительно того, куда все это ведет. В 1991 г. дискуссия разгорелась с новой силой, в основном в связи с технологическими изменениями. «Микроэлектронная революция», провозглашенная в 1980-е годы, вызвала ряд соображений по поводу того, что означает информационная технология (ИТ) для всех нас: конец труда, наступление эры праздности, полностью автоматизированное производство. Восторги по поводу перемен, связанных с технологиями, не утихают. Ныне на повестке дня — Интернет, информационная «супермагистраль» и киберобщество, вопросы, порожденные информационными и коммуникационными технологиями (ИКТ); первостепенными темами обсуждения становятся электронная демократия, киборги и онлайн-сообщества. И тем не менее в некоторых областях произошел чрезвычайно любопытный поворот от технологий к другим, содержательным составляющим информации. В среде ведущих политиков и интеллектуалов растет интерес к информационному труду, символическим аналитикам, которые наиболее подготовлены к тому, чтобы вести за собой в то будущее, где адаптивность и постоянное переобучение являются нормой. Эти люди — ключевые игроки в информационном обществе, им выпало счастье получить первоклассное образование, обеспечившее их информационными возможностями, которые позволяют выжить в новой глобализо-

ванной экономике. Ныне посредники, менеджеры, программисты, креативные работники масс-медиа и все те, кто работают в креативных областях, рассматриваются как проводники в мир информационного общества. Эта перемена в направлении анализа от технологии к человеку, а также неослабевающий интерес к информации заставили меня подготовить второе издание «Теорий информационного общества».

В этом издании я сосредоточился на различных интерпретациях под тем углом зрения, который позволит определить область пересечения интересов, хотя, как мы увидим, интерпретации роли и особенностей распространения информации различаются между собой, и чем ближе мы будем подходить к этой области, где, казалось бы, существует единство мнений, тем меньше увидим согласия даже по этому якобы общему истолкованию предмета.

Ставя перед собой цель исследовать различные образы информационного общества, я построил эту книгу таким образом, чтобы представить теории, которые внесли наиболее весомый вклад в наше понимание информации в современном мире. По этой причине после анализа дефиниций в главе 2 (к чему мы не раз будем возвращаться) в каждой последующей главе рассматриваются отдельная теория и ее наиболее выдающиеся сторонники, а также делается попытка оценить ее сильные и слабые стороны в процессе альтернативного теоретического анализа и с использованием эмпирических сведений.

Постепенно продвигаясь вперед, читатель познакомится с концепцией постиндустриального общества Дэниела Белла (глава 3), с дискуссией о том, происходит ли переход от фордистского к постфордистскому обществу, основой успеха которого является управление информацией (глава 4), с влиятельной теорией Мануэля Кастельса об информационном капитализме в сетевом обществе (глава 5), со взглядами Герберта Шиллера о потребности развитого капитализма в информации и манипулировании ею (глава 6), с аргументами Юргена Хабермаса, который считает, что сфера публичного, а вместе с ней и истинность информации находятся в упадке (глава 7), с размышлениями Энтони Гиденса о «рефлексивной модернизации», особое внимание уделявшего роли информации, которая собирается с целью наблюдения и контроля (глава 8), и мыслями о постмодернизме и эпохе постмодернизма Жана Бодрийяра и Зигмунта Баумана, ученых, которые особое внимание уделяют взрыву знака в современном мире.

Нельзя не заметить, что эти ученые работают на стыке таких дисциплин, как социология, философия, экономика и география, и находятся в центре современных дискуссий в социальных науках. Разумеется, здесь нет ничего особенно удивительного, социальные

мыслители для того и существуют, чтобы пытаться понять и объяснить мир, в котором мы живем, а важной чертой этого мира стали изменения в сфере информации. Невозможно представить, чтобы кто-либо попытался описать картину мира, не обратив должного внимания на огромную область изменений, которая касается средств массовой информации, распространения информации, коммуникационных технологий, новых форм занятости и даже образовательных систем.

И все же — отчасти потому, что в книге описываются современные социальные науки — стоит предупредить читателей, что, по крайней мере иногда, они столкнутся с трудностями. Даже для тех, кто интересуется философией, Юрген Хабермас далеко не прост, а Дэниел Белл — если оставить в стороне его популяризаторские работы — изощренный и сложный автор, работы которого требуют значительных усилий для понимания, не говоря уж о постмодернистских мыслителях, известных сложностью изложения. И тот, кого это поставит в тупик, будет отнюдь не одинок. Многих интересующихся информационной эрой будет сбивать с толку то, что им покажется чуждым, туманным социологическим теоретизированием. Им известно, что произошел радикальный, даже революционный, прорыв в области информации, и они, естественно, хотят знать, к каким непосредственным экономическим и социальным последствиям приведет такое развитие. Эту их потребность удовлетворит множество книжек в бумажных обложках. Этим людям «теория», особенно «большая теория», которая претендует на определение самых ярких характеристик современной жизни и часто апеллирует к истории и трудам множества других «теоретиков», в том числе и давно умерших, не даст и не должна давать ответы на все вопросы, она лишь запутает и собьет их с толку.

Я сознательно веду читателя к пониманию информации через знакомство с крупнейшими социальными теоретиками, это мой ответный удар лавине провозглашений информационной эры. Слишком многие «практики», вдохновленные информационной технологической революцией, пришедшие в восторг от Интернета, не представляющие своей жизни без электронной почты, проживающие в виртуальной реальности, превосходящей реальность земную, решили, что могут быстро осознать социальные и экономические последствия, которые, судя по всему, неизбежно наступят: труд будет трансформирован, в сфере образования произойдет переворот, корпоративные структуры переживут новое рождение, демократия подвергнется переоценке — и все благодаря информационной революции.

Подобные поверхностные подходы внесли и продолжают вносить свой негативный вклад в богатую палитру мнений по поводу информационного общества; это происходит и в дешевых книжках с названиями вроде «Микро, ну погоди», «Общество, опутанное проводами», «Оцифрованная жизнь» и «Что будет дальше?», и в университетских курсах на тему «Социальные эффекты компьютерной революции», и в бесконечных речах деятелей политических и деловых кругов, и в не поддающихся подсчету журналистских материалах, которые могут лишь возбудить в обществе тревожные настроения.

Цель изучения информации с точки зрения современной социальной теории (по крайней мере, такой, которая учитывает эмпирические данные) состоит в том, чтобы продемонстрировать, насколько *прямой* социальный подход оказывается упрощенческим и явно уводит в сторону тех, кто хочет понять, что же происходит сейчас и, скорее всего, будет происходить в будущем. Другая цель состоит в том, чтобы показать, что социальная теория в сочетании с эмпирическими данными намного богаче и соответственно может служить более удобным и полезным инструментом для понимания и объяснения последних тенденций в области информации.

Большинство мыслителей (но не все), чьи идеи я рассматриваю в книге, обращались к этим тенденциям. Если Дэниел Белл и Герберт Шиллер, совершенно по-разному и с удивительным предвидением в течение десятилетий говорили о том, что именно в области информации и коммуникации в послевоенный период будут происходить перемены, то Юрген Хабермас и Энтони Гидденс в меньшей степени обращались к информации как таковой. Поспешу заметить: это не означает, что их вклад в наше понимание информации незначителен или же они не считали эту область важной. Скорее это связано с тем, что круг их интересов был несколько иным. По этой причине я считаю себя вправе вывести за пределы дискуссии как концепцию публичной сферы Хабермаса, так и доводы относительно предполагаемого перехода от фордизма к постфордизму и сфокусироваться на вопросах информации. Поскольку я не стремлюсь к тому, чтобы полностью представить определенные социальные теории, а стараюсь прийти к пониманию информации с помощью лучших из имеющихся в нашем распоряжении инструментов, такой подход кажется мне вполне оправданным.

Следует также сказать, что скептически-вопрошающее отношение к самому понятию информационного общества проходит через всю книгу. Некоторые рецензенты — один или двое — первого издания «Теорий информационного общества» выразили недоумение: в книге отражено столь критическое отношение к поня-

тию информационного общества, что неясно, зачем было ее писать. К этому я еще вернусь в главе 10, а пока лишь скажу, что считаю разумным уделять пристальное внимание термину, который оказывает весьма сильное воздействие на обывательское мышление, даже если кто-то полагает, что он обладает существенными недостатками. Однако **наибольшая проблема состоит в том, что понятие информационного общества обросло великим множеством предположений и гипотез на тему, что изменилось и продолжает меняться и как эти перемены осуществляются, и тем не менее оно уже стало расхожим словосочетанием в широких кругах. Именно это и побудило меня дать такое название своей книге, чтобы читатель сразу, пусть в самых общих чертах, понял, о чем идет речь.** И все же я хочу подчеркнуть, что в дальнейшем я очень надеюсь по крайней мере поставить под сомнение уверенность тех, кто убежден в возникновении нового информационного общества.

Во второй главе, где я подвергаю тщательному анализу концепцию информационного общества, читатель столкнется с проблемой дефиниций, хотя в самом начале я постараюсь обозначить границу между мыслителями, чьи идеи рассматриваются в книге. По одну ее сторону находятся сторонники понятия информационного общества, по другую — те, кто считает, что происходящее можно описать как информатизацию уже установившихся отношений. А поскольку терминология отражает понимание того, что происходит в области информации, это, как станет ясно далее, отнюдь не академический спор.

Необходимо подчеркнуть, что при этом основном различии интерпретации по обеим сторонам разграничительной линии сильно разнятся между собой. С одной стороны находятся те, кто разделяет убеждение, что в последнее время мы были свидетелями возникновения информационных обществ с характерными признаками, которые отличают их от существовавших в прошлом. Не все полностью удовлетворены термином «информационное общество», но, поскольку они доказывают, что нынешняя эра — особая, отличная от предыдущих и знаменует собой поворотный пункт в социальном развитии, то, по-моему, я могу объединить их в одну группу. С другой стороны — ученые, которые, признавая, что информация в современном мире приобрела особое значение, настаивают на том, что основной чертой настоящего является его преемственность относительно прошлого.

Позиции теоретиков информационного общества и тех, кто рассматривает информатизацию как одну из неосновных характеристик устойчивых социальных систем, можно представить в виде различных точек зрения одного континуума, но при этом они бес-

спорно тяготеют к разным полюсам: сосредоточиваются или на переменных, или на социальной преемственности.

В этой книге я рассматриваю различные взгляды на информацию в современном мире, анализируя как постиндустриализм Дэниела Белла, так и постмодернизм Жан-Франсуа Лиотара и публичную сферу Юргена Хабермаса. В результате мы увидим, что каждый из них внес свой особый вклад в наше понимание информационного развития, используя при этом самые разные подходы: изучение возрастающей роли «белых воротничков», расшатывание установившихся интеллектуальных воззрений, расширение сферы наблюдения и контроля, возросшая степень регулирования повседневной жизни или ослабления гражданского общества. Главной моей целью является рассмотреть и подвергнуть критическому анализу эти различия в интерпретациях.

Однако кроме этих различий или параллельно с ними нельзя упускать из виду еще одну тему — раскол между адептами идеи информационного общества и сторонниками взгляда на информатизацию как на продолжение ранее установленных отношений. К первым, провозгласившим возникновение общества нового типа, мы причислим теоретиков:

- ♦ постиндустриализма (Дэниел Белл и легион его последователей);
- ♦ постмодернизма (Жан Бодрийяр, Марк Постер);
- ♦ гибкой специализации (Майкл Пайор и Чарльз Сейбл, Ларри Хиршхорн);
- ♦ информационного способа развития (Мануэль Кастельс).

К сторонникам идей социальной преемственности я причислил бы теоретиков:

- ♦ неомарксизма (Герберт Шиллер);
- ♦ регуляционной теории (Мишель Альетта, Ален Липиц);
- ♦ гибкой аккумуляции (Дэвид Харви);
- ♦ рефлексивной модернизации (Энтони Гидденс);
- ♦ публичной сферы (Юрген Хабермас, Николас Гарнэм).

Ни один теоретик из последнего перечня не отрицает, что в современном мире информация играет ключевую роль, но в отличие от ученых из первого списка они полагают, что ее формы и функции подчиняются давно установившимся принципам и практикам. По мере чтения книги читатель получит возможность решить, какой из подходов представляется ему наиболее перспективным.

2

ИДЕЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Прежде чем мы сумеем оценить различные подходы к обозначению информационных тенденций и основных проблем, необходимо уделить внимание определениям, которые вводят в оборот участники дискуссии. Чрезвычайно полезно вначале изучить, какое значение вкладывают те, кто говорит об информационном обществе, в этот термин. Упорство сторонников этой концепции, их уверенность в том, что наше время определяется именно этим новшеством, требует анализа, быть может, более настоятельно, нежели уверенность других, утверждающих неизменность *status quo*. И потому главная цель этой главы — задать вопрос: что люди имеют в виду, когда говорят об информационном обществе? Позже я рассмотрю различные значения, которые исследователи вкладывают в термин «информация». Как мы увидим, именно в самой концепции феномена, лежащего в основе дискуссии, и обнаруживаются различия, которые формируют позиции и теоретиков, отстаивающих новизну происходящего, и тех, кто, размышляя об информатизации, признает силу воздействия прошлого на современное развитие.

Определения общества

Читая литературу об информационном обществе, просто диву даешься, сколь велико число авторов, оперирующих неразработанными определениями предмета, о котором пишут. Они все пишут и пишут об особенностях информационного общества, но при этом их собственные операционные критерии остаются непроясненными. В стремлении осознать смысл перемен в информации они торопятся определить их в терминах различных форм экономического производства, новых форм социального взаимодействия, инновационных процессов производства и т.д. Однако в этой спешке им зачастую не удается установить, каким образом информация заняла сегодня центральное место в обществе, настолько важное,